

Репин В. В. Развитие в 1939 г. Советско-румынского Бессарабского территориального конфликта. В. В. Репин // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С.145-150

В. В. РЕПИН.

РАЗВИТИЕ В 1939 г. СОВЕТСКО-РУМЫНСКОГО БЕССАРАБСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Изучение развития данного конфликта и попыток его урегулирования в период между мировыми войнами показывает несоответствие между богатой документальной базой, изданной после 1991 г., и освещенностью проблемы в историографии советского периода, выносившей за скобки факт советско-германских переговоров о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Это искажало результаты исследований Б. М. Колкера, А. М. Лазарева, И. Э. Левита, А. А. Язьковой [1; 2; 3; 4]. На волне кардинальной переоценки внешней политики советского прошлого в 1990-е гг. М. Д. Ерещенко первая смоделировала контуры развития бессарабского вопроса в двусторонних отношениях Москвы и Бухареста, после чего были предприняты попытки более детального исследования проблемы в работах В. А. Аблизина, М. И. Мельтюхова [5; 6; 7]. Свобода интерпретаций исторического наследия бессарабского вопроса представлена в работах М. И. Мельтюхова, молдавских исследователей О. Цычу и В. И. Пасата, которые признают невозможность решения спора о Бессарабии дипломатическими средствами, однако дают разную оценку легитимности действий советского руководства по возвращению края в 1939—1940 гг. [8; 9; 10].

Состояние бессарабской проблемы накануне Второй мировой войны (январь — август 1939 г.). На международной арене позицию Румынии в споре составлял отказ обсуждать бессарабскую проблему, при том что в Бухаресте всегда понимали ненадежность обладания этим краем [11, с. 15; 12, с. 462—463]. С одной стороны, Румыния оценивала инкорпорацию Бессарабии как «исторический акт воссоединения румынского народа, с другой — искала гарантий своей территориальной целостности в договорах и союзах [13, с. 315; 14]. В межвоенный период ключевым элементом архитектуры безопасности Румынии был франко-румынский союз. Румыния нашла себе естественных союзников против ревизии своих границ среди стран, имевших территориальные противоречия с СССР (Польша) и боявшихся пересмотра версальских границ (Малая Антанта). В 1929 г. Румыния присоединилась к протоколу Литвинова о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога от 27 августа 1928 г., что гарантировало Румынии невозможность военного вмешательства Советского Союза в бессарабский вопрос, что неоднократно подтверждалось советскими дипломатами. Все это давало Румынии определенную уверенность в обладании краем [5, с. 190; 15, с. 293, 320; 16, с. 207].

Нельзя не заметить взаимосвязь трех национально-территориальных вопросов (бессарабского, добруджанского и трансильванского), раскалывающих целостность «Великой Румынии». Стремление защитить диаспоры национальных меньшинств, исправив несправедливости прежней международной системы, слишком много давшей Румынии, объективно сближали интересы ее лимитрофов: СССР, Венгрии и Болгарии [17, с. 8—9]. Но в Бухаресте категорически отвергали любой диалог по вопросу территориальных уступок. Неуступчивость Румынии все же имела свою логику. Если бы произошло потепление отношений хотя бы с одним участником «триединого бессарабско-трансильванско-добруджанского узла», что, казалось, только намечалось в направлении Софии весной 1939 г. под давлением западных демократий, два других только еще более

утвердились бы в решимости осуществить ревизию. Венгерский премьер-министр П. Телеки популяризировал среди западных дипломатов мысль, что поводом для венгерского удара в Трансильвании может стать добровольная

Репин Виталий Валерьевич — аспирант кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета

уступка Румынией Южной Добруджи [18, с. 197; 19, с. 365]. Глава итальянского МИДа Г. Чи-ано предупредил румынского коллегу В. Антонеску, что условием сохранения венгерского нейтралитета названо невозвращение спорных территорий его страны Болгарии и Советскому Союзу [20, с. 301—304]. София приветствовала смену руководителя НКВД в мае 1939 г., что видно из запросов временного поверенного в делах СССР в Болгарии Н. И. Прасолова: «когда же теперь Советы займутся возвращением Бессарабии?» [21, с. 368]. Наверное, самый поразительный слух, распространенный с началом войны, гласил, что, кроме занятия Бессарабии и Буковины, Советский Союз потребует в аренду Добруджу на срок в 21 год за пользование Румынией бывшей российской губернией в течение такого же срока [22, с. 139].

Москва щепетильно относилась к территориальным вопросам, ставя цель восстановления границ Российской империи. Скептицизм генерального секретаря ВКП(б) по поводу территориальной целостности Румынии был озвучен во время переговоров с министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу 1 октября 1939 г. Сталин так характеризует западных соседей СССР: «По-моему, Румыния вроде Польши. Как та нахапала много земель, так и Румыния» [12, с. 102; 23, с. 149]. С другой стороны, в условиях замороженности конфликта факт, что летом 1938 г. II западный отдел НКВД обнаружил, что в течение года принимал румынские ноты, в которых правый берег Днестра назывался «румынской территорией, говорит о том, что концептуальная внешнеполитическая задача реинкорпорации Бессарабии не была укоренена в сознании советских дипломатов низшего звена [24, с. 239; 25, с. 73].

Игнорируя в своем внешнеполитическом курсе советский аспект, Бухарест предпринял только одну заведомо неудачную попытку сближения с СССР, и то на румынских условиях: по инициативе румынского премьер-министра Г. Татареску в Париже произошел обмен мнениями с советским полпредом Сурицем в начале февраля 1939 г. Румын подчеркивал свою уверенность в разрешенности бессарабской проблемы и параллельно зондировал, не решилась ли Москва все-таки отказаться от своих притязаний: «Вся Румыния будет вас благословлять. Будут сметены и с корнем вырваны все элементы, которые сейчас работают на пользу и потребу Гитлера». Расценив румынскую инициативу как обыкновенный зондаж, Москва продолжала, в свою очередь, ждать [21, с. 122—124, 165].

Не имевшее прецедента дипломатическое турне главы румынского МИДа Г. Гафенку по столицам ведущих европейских держав в апреле — мае 1939 г. не позволило найти надежных союзников в деле защиты румынских границ. Бухарест хотя и получил 13 апреля 1939 г. англо-французские гарантии своей территориальной целостности, понимал их ненадежность и поэтому не торопился сделать окончательную ставку на какой-либо складывающийся военно-политический блок. В отношении днестровского соседа все свелось к подтверждению старого румыно-польского союза, направленного против ревизионистских планов России, и отказу от любого сближения с ней. В то же время Германия с каждым днем увеличивала свое влияние в Бухаресте. В Берлине Гафенку заверил Гитлера, что Румыния не войдет ни в какую дипломатическую комбинацию, направленную против Германии. 23 марта 1939 г. был подписан «Договор о развитии экономических отношений между Германией и Румынией», фактически поставивший румынскую экономику под контроль III Рейха [26]. Участие Румынии в едином

антигерманском блоке обсуждалось на трехсторонних англо-франко-советских переговорах весной — летом 1939 г. В начале года в дипломатических кулуарах распространялись слухи, что следующей жертвой Гитлера станет именно она. Последовательно отказываясь от советской военной помощи, Бухарест повлиял на неблагоприятный исход нового «Сердечного согласия». Там небезосновательно предчувствовали именно советско-немецкое сближение, связывая это со сменой в мае 1939 г. главы НКВД. В связи с этим румынская официальная пресса пророчески предсказывала, что «внешняя политика СССР будет идти на сближение с Германией», хотя это и категорически отрицалось проезжавшим через Бухарест в середине мая 1939 г. одним из руководителей наркомата Потемкиным [21, с. 341, 344].

Признание интересов СССР в Бессарабии как одно из условий советского нейтралитета в европейской войне впервые ясно прослеживается в записи беседы болгарского посланника в Берлине П. Драганова с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым 14 июня 1939 г. Советуя Москве не вступать в разгорающийся конфликт, болгарин заметил, что если Россию «беспокоит появление немцев в Прибалтике, Бессарабии и т. п., то по этим вопросам вы можете с немцами договориться, они охотно пойдут здесь на самый широкий обмен мнениями» [27, с. 197]. 21 июля Председатель СНК и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов посылает временному поверенному в делах СССР в Румынии П. Г. Куколеву инструкцию внимательно изучать документы, вручаемые ему румынскими официальными лицами, дабы не принять те, где правый берег Днестра будет обозначен как «румынская территория», «граница», «румынский берег», и обо всех случаях немедленно сообщать в НКВД [21, с. 201]. 24 июля заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики Аусамта (германский МИД) К. Ю. Шнурре вновь подтвердил, что «в Прибалтике и Румынии [курсив автора. — В. Р.] Германия не намерена делать ничего такого, что задевало бы интересы СССР» [28, с. 121]. Подобные заявления немецких официальных лиц имели свое действие в Москве. В результате 23 августа 1939 г. был подписан секретный дополнительный протокол к советско-германскому пакту о ненападении, который открывал путь к возвращению бывшей российской губернии. В документе говорилось «о полной политической незаинтересованности Германии в Бессарабии». Во время бессарабского кризиса министр иностранных дел III Рейха Й. фон Риббентроп так разъяснил Гитлеру суть этой формулировки: «ввиду тогдашней неопределенности германо-русских отношений, с чем мы должны были из осторожности считаться, я решил не признавать русских притязаний на Бессарабию открыто, *в письменной форме* [курсив Риббентропа], и выбрал для протокола формулировку *общего характера*» [28, с. 185, 321; 29].

Реализация бессарабского аспекта советско-германских договоренностей (сентябрь — декабрь 1939 г.). Заключение советско-германского пакта румынская дипломатия однозначно расценила как полное обесценивание и без того призрачных англо-французских гарантий. Титу-леску писал королю Каролю II в сентябре, напоминая об упущенной возможности заключить румыно-советский пакт о взаимопомощи в 1936 г.: «Теперь русско-германское сближение произошло без нас, а стало быть — против нас» [6, с. 348].

Уже в первые недели войны советские диппредставители в третьих странах — Германии и Бельгии — А. А. Шкварцев и Е. В. Рубинин были запрошены румынскими дипломатами по поводу верности слухов о «разделе Румынии», предполагаемом в советско-германском соглашении, они вполне недвусмысленно интересовались «ограничатся ли притязания СССР Польшей» [23, с. 120, 125].

Все же в первые дни войны европейские дипломаты давали самые противоречивые прогнозы о внешнеполитической ориентации Румынии на тот или иной блок. Японский посол в Берлине Х. Осима высказал мнение Шкварцеву, что «Румыния останется на стороне Германии, так как она не может рассчитывать на поддержку Англии, наблюдая ее помощь Польше». Китайский посол Ч. Чен предполагал, что «Румыния, вероятно, не на стороне Германии». И хотя еще 25 августа фюрер и рейхсканцлер III Рейха А. Гитлер в письме к премьер-министру Италии Б. Муссолини дважды подчеркнул, что эта балканская страна «уже не находится в положении, когда она могла бы принять участие в выступлениях против оси», все же до окончания, по крайней мере, кампании на Восточном фронте и СССР, и Германия еще опасались, что «западные демократии» предпримут какую-либо акцию в Румынии. Предвкусная «справедливое» решение бессарабского спора, Москва записывала Бухарест во враждебный лагерь, считая его союзником Англии и Франции. Осенью 1939 г. не раз советские дипломаты делились с турецкими коллегами опасениями, что «враги СССР могут для нападения использовать Румынию путем переброски туда через проливы на коммерческих судах

воинских частей и военных материалов». Резкое сворачивание советско-турецких переговоров о пакте о взаимопомощи, предпринятое по указанию Молотова в конце октября 1939 г., имело одной из причин нежелание советской стороны брать на себя обязательства, ограничивавшие свободу ее действий по отношению к Румынии [23, с. 36, 46, 53, 235—238].

Установление советской власти на восточных землях Второй Речи Посполитой вызвали подъем ожиданий прорусски настроенного населения Бессарабии. По свидетельству Куколева, эти события вызвали распространение слухов, что «якобы Бессарабия в ближайшее время будет отобрана Советским Союзом, в связи с чем бессарабцы стараются вернуться к себе на родину» [30, с. 335—336]. С осени в советской печати возобновились публикации, посвященные нерешенному бессарабскому вопросу, хотя НКВД открещивался от причастности к ним. 29 сентября Куколев был уведомлен членом правительства, что на заседании Коронного Совета горячо обсуждался вопрос о нацменьшинствах, в том числе и о бессарабцах, где пришли к решению наделить меньшинства правами, отнятыми конституцией 1938 г. [23, с. 132, 141—142; 31, с. 42]. Одновременно в Москву шли сведения о серьезных колебаниях румынского руководства относительно вопроса улучшения отношений с СССР. Тем не менее вплоть до зимы румыны носились по коридорам европейской дипломатии с наивным предложением о «балканском нейтральном блоке» [22, с. 138—141; 23, с. 396].

Однако в первую зиму войны Москва, казалось, совсем забыла о своем днестровском соседе: НКВД уже более года затягивал с назначением своего полпреда в Бухарест, что происходило, однако, на фоне демонстративного улучшения советско-венгерских отношений. Эти факты небезосновательно расценивались в румынских политических кругах как затишье перед бурей [32, с. 31]. В начале декабря министр труда М. Раля признал в беседе с советским полпредом, что и среди населения, и среди членов правительства создалось мнение, что Румынию ожидает участь Финляндии [6, с. 349]. Страна готовилась к обороне, причем оборонительные линии строились главным образом в Трансильвании и на р. Прут, что дало основание Куколеву в начале 1940 г. предположить, что «генштаб Румынии решил не драться за Бессарабию, так как она все равно должна будет отойти к СССР». [33, с. 41] Советскими спецслужбами было зафиксировано немало сведений о вывозе ценностей и архивов из края, минировании дорог и мостов.

Очевидно, что вмешательство Германии в бессарабский вопрос было неизбежным. Румынские лидеры надеялись, что Гитлер, заинтересованный в поставках, станет покрови-

тельствовать Бухаресту и защищать от попыток ревизии границ. Еще в октябре 1938 г., накануне Первого Венского арбитража, румыны отвергли все инициативы, предлагаемые министром иностранных дел Польши Бекком по разделу Закарпатья и получению новых гарантий границ, чтобы не вызвать недовольство Берлина [34, с. 350]. В беседе с немецким посланником В. Фабрициусом 8 декабря 1939 г. Гафенку сказал, что в случае возможного выдвижения Советским Союзом территориальных претензий к Румынии, она обратится за помощью именно к Берлину (а не к Лондону или Парижу). Если же Германия не поддержит Бухарест, то неизбежной будет румыно-советская война, и, следовательно, Рейх не будет получать нефть и зерно, отмечал здесь же румынский дипломат. Но оттуда поступили безапелляционные инструкции статс-секретаря Аусамта Э. фон Вейцекера «воздержаться как от официальных, так и частных советов». Немец называет Парижский протокол 1920 г. «греческим подарком», и, видимо, будучи осведомлен об известном третьем пункте, высказывает уверенность, что Румыния вряд ли сможет удержать заднеэстровские территории [35, с. 266].

Советское правительство поднимает бессарабский вопрос сравнительно поздно (из всех западных лимитрофов СССР) однако советское руководство предвкусало «наказание» неуступчивого днестровского соседа уже с осени 1939 г.: во время переговоров с турецким министром Сараджоглу, Сталин, говоря о нестабильности обстановки на Балканах, как будто моделирует ситуацию: «„вышло осложнение у СССР с Румынией из-за Бессарабии — мы не

думаем на румын нападать, но и Бессарабию дарить не будем — опять конфликт. Кто связывается с Румынией взаимной помощью, тот должен держать меч наготове: тут и Венгрия; и [,] может [,] еще кто-нибудь...» [23, с. 149]. Уже из этих слов становилось ясно, кто мог только быть инициатором «осложнения из-за Бессарабии», учитывая панический страх Бухареста перед любыми попытками ревизии ее границ.

Главной, на наш взгляд, причиной неопределенности советской дипломатии при установлении сроков выдвижения претензий к Бухаресту является то, что Москва не представляла ясно, по какому сценарию должно происходить возвращение Бессарабии. Постоянно меняющаяся международная обстановка разрушала любые планы, было невозможно разработать серьезную дипломатическую комбинацию. Британский исследователь Дж. Робертс отмечал, что только пока не определилось преимущество Германии в войне после разгрома Франции в мае 1940 г., Москва отказывалась форсировать осуществление своих претензий, зафиксированных в вышеотмеченном протоколе к пакту с Германией [36, с. 78—80].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колкер, Б. М. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1937 — июнь 1941) / Б. М. Колкер, И. Э. Левит. М. : Наука, 1971. 199 с.
2. Лазарев, А. М. Год 1940 — продолжение социалистической революции в Бессарабии / А. М. Лазарев. Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1985. 327 с.
3. Левит, И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: истоки, планы, реализация (1.IX.1939 — 19.XI.1942) / И. Э. Левит. Кишинев : Штиинца, 1981. 391 с.
4. Язькова, А. А. Румыния накануне Второй мировой войны. 1934—1939 / А. А. Язькова. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 295 с.
5. Ерещенко, М. Д. Бессарабский вопрос в лабиринтах европейской дипломатии / М. Д. Ерещенко // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940): сб. ст. М. : ИСБ, 1990. С. 187—193.

6. *Ерещенко, М. Д.* Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий / М. Д. Ерещенко // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. с. 333—362.
7. *Аблизин, В. А.* Преддверие Великой Отечественной войны. Бессарабская кампания Красной армии летом 1940 года / В. А. Аблизин // Доклады Академии военных наук. Военная история. Саратов, 2005. № 3. с. 16—22.
8. *Мельтюхов, М. И.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917—1940 гг.) / М. И. Мельтюхов. М. : Яуза : Эксмо, 2006. 512 с.
9. Трудный путь истории Молдовы 1940—1950-е гг. Сб. документов и материалов / сост. В. И. Пасат. М. : Терра, 1994. 800 с.
10. *Tăcu O.* Problema Basarabiei și relațiile sovieticj-romane în perioada interbelică (1919—1939) / Octavian Tăcu. Chișinău : Prut International, 2004. 272 p.
11. Документы внешней политики СССР / редкол. Г. К. Деев. М. : Политиздат, 1969. Т. 15: 1 января — 31 декабря. 1932 г. 868 с.
12. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг.: в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : РОССПЭН, 2003. Ч. 2: Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. 688 с.
13. *Шевяков, А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939 / А. А. Шевяков. М. : Наука, 1977. 382 с.
14. *Alexandru, V.* Boldur Basarabia și relațiile romano-ruse. (Chestiunea Basarabiei și dreptul internațional) / V. Alexandru. București : Editura Albatros, 2000. 352 p.
15. Советско-румынские отношения. 1917—1941. Сб. документов: в 2 т. / редкол.: А.А.Авдеев, М.-Р. Унгуряну. М. : Международные отношения, 2000. Т. 1: 1917—1934. 456 с.
16. *Лебедев, Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер: из истории румынского фашизма, монархии и ее внешнеполитической «игры на двух столах» / Н. И. Лебедев. М.: Международные отношения, 1968. 327 с.

17. *Scurtu, I.* Studiu introductiv / Ioan Scurtu // Minoritățile naționale din România 1918—1925. Documente. București : Archivele statului din România, 1995. 783 p.
18. Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории и кануна и периода войны / пер. с венг. Б. Я. Гейгера. М. : Иностранная литература, 1962. 367 с.
19. Год кризиса, 1938—1939: документы и материалы: в 2 т. / редкол.: А. П. Бондаренко. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. 555 с.
20. *Исламов, Т. М.* Румыно-венгерский конфликт в контексте германо-советского соперничества / Т. М. Исламов, Т. А. Покивайлова // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. с. 299—332.
21. Документы внешней политики. Т. 22: 1 января — 31 декабря 1939 г., в 2 кн. / редкол.: В. Г. Комплектов. Кн. 1: 1 января — 31 августа 1939 г. М. : Международные отношения, 1992. 709 с.
22. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: в 8 т. / сост.: В. П. Ямпольский. М. : 1995—2008. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. М. : Книга и бизнес, 1995. 451 с.
23. Документы внешней политики. М. : Междунар. отношения, 1992. Т. 22: Кн. 2: 1 сентября — 31 декабря 1939 г. 688 с.
24. Советское руководство. Переписка. 1928—1941: сб. документов / сост.: А. В. Квашонкин. М. : РОССПЭН, 1999. 519 с.

25. Советско-румынские отношения. Документы: в 2 т. М. : Междунар. отношения, 2000. Т. 2: 1935—1941. 542 с.
26. *Волков, В. К.* Страны Восточной Европы в водовороте событий накануне Второй мировой войны / В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. С. 58—73.
27. Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы / сост.: Ю. Фельштинский. М. : Московский рабочий, 1991. 366 с.
28. Год кризиса: сб. документов: в 2 т. М. : Политиздат, 1990. Т. 2: 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. 431 с.
29. *Горлов, С. А.* Советско-германский диалог накануне пакта Молотова-Риббентропа в 1939 г. / С. А. Горлов // Новая и новейшая история. 1993 № 4. С. 13—34.
30. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / сост.: В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко. М. : Индрик, 1996. 380 с.
31. Пакт Молотова-Риббентропа и его последствия для Бессарабии. сб. документов / сост.: В. Вэ-ратек, И. Шишкану. Кишинев : Университас, 1991. 121 с.
32. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг. Документы российских архивов / редколл.: Т. М. Исламов. М. : РОССПЭН, 2000. 455 с.
33. Документы внешней политики / редкол.: Г. Э. Мамедов. М. : Международные отношения, 1995. Т. 23: 1940 — 22 июня 1941 г.: в 2 кн. Кн. 1: 1 января — 31 октября 1940 г. 746 с.
34. *Наумов, А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы / А. О. Наумов. М. : РОССПЭН, 2007. 416 с.
35. *Лебедев, Н. И.* Крах фашизма в Румынии / Н. И. Лебедев. М. : Наука, 1983. 551 с.
36. *Робертс, Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939—1945 гг.: идеология, расчет, импровизация / Дж. Робертс // Новая и новейшая история. 2001. № 5. с. 75—101.

SUMMARY

Bessarabian territorial dispute in soviet-romanian relations proved its impossibility to be solved via diplomatic measures in the interwar period. The main reason for Bucharest's refuse to discuss this problem in foreign affairs is explained as the mutual dependence of bessarabian conflict with other territorial disputes on Romanian borders: in Dobruja and Transilvania. Persuading the interests of national security Romania failed to contribute to the efforts of european powers to resist Axis Alliance and the politics of balancing in fact deprived Bucharest of sincere allies. There were no way to solve this problem except the crash of the european diplomatic system in central Europe — this assumption reveals its truth if we consider the crucial influence of the Molotov-Ribbentrop commitment on the fate of Romanian borders. According to this commitment Moscow obtained a chance to reincorporate bessarabian region to USSR but didn't define the strategy of the implementation of this plan in 1939.